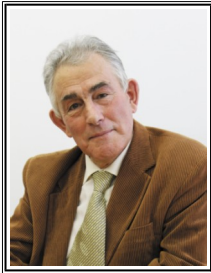

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Павел ГУРЕВИЧ

Доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор.

МЕНТАЛЬНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРЫ*

Размышляя о современных представлениях о многообразии разумности, автор статьи обращается к феномену ментальности как относительно целостной совокупности мыслей, верований, навыков духа, которая создаёт картину мира и скрепляет единство культурной традиции или какого-нибудь сообщества. Ментальность рассматривается как устойчивая настроенность внутреннего мира людей, которая сплачивает их в социальные и исторические общности, а в социально-психологическом и гносеологическом смысле представляет собой совокупность установок и предрасположенностей индивида к определённому типу мышления и действия. В статье проводится различие между ментальностью и общественными настроениями, ментальностью и ценностными ориентациями, ментальностью и идеологией. Показано, что ментальность восходит к бессознательным глубинам психики, и в этом смысле она далеко не всегда артикулируется её носителями.

* Данная статья была ранее опубликована в сборнике: *Гуревич П.С. Карамзин как первооткрыватель личности // Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурзы, В.Л. Шаровой, А.Ф. Яковлевой. М.: Аквилон, 2016. С. 43–64.* Настоящая публикация является отчасти переработанным и дополненным её текстом, подготовленным к изданию Э.М. Спириной.

Ментальность реконструируется автором статьи исследовательским путём через сопоставление с другой ментальностью.

Ключевые слова: культура, разум, ментальность, типы мышления, ценностные ориентации, идеология, культурный шифр, мифологическое сознание, первобытная ментальность, история ментальностей

Человеческий разум – неоспоримое достояние человечества – подвергается в наши дни суровой феноменологической проверке. Многие исследователи продолжают размышлять об удивительной человеческой способности постигать сущность вещей, улавливать смыслы, создавать рациональную картину мира. До сих пор разум считался достоянием только человека. Но за последние годы всё чаще стали говорить о многообразии самой разумности. В частности, историки, изучая конкретные эпохи и культуры, пришли сначала к выводу о разных ментальных навыках, присущих народам. Однако при этом никто не оспаривал непреложность и единство разума как уникального достояния людей. Теперь же толкуют о том, что европейцу вообще трудно понять разумность, скажем, японцев. Это не просто другой менталитет, но даже источник умственных операций иной, не тот, что вызвал к жизни европейскую цивилизацию. К.Г. Юнг в своё время отмечал, что туземцы считают американцев глупыми, поскольку те говорят, будто мыслят головой. На самом деле аборигены утверждали, что мысль рождается в сердце. В те годы это считалось этнографической подробностью, не более. Но, может быть, действительно пора вникнуть в суть этой проблемы.

Когда говорят об особом мышлении людей, имеют в виду определённые антропологические или культурные штрихи. Например, учёный Э. Канетти отмечает, что бушмены издали чувствуют приближение человека, которого не могут ни слышать, ни видеть. Они чувствуют также приближение животного и могут показать на своём теле знаки, благодаря которым об этом узнают. Иллюстраций такого специфического восприятия мира множество. Э. Канетти приводит следующий пример. Один бушмен сказал своим детям, чтобы они ждали дедушку. «Смотрите внимательно, мне кажется, он близко. Ибо чувствую место старой раны на его теле». Дети стали смотреть по сторонам и увидели вдали человека. «Это ваш дедушка. Я знал, что он придёт. Я почувствовал его приход тем местом, где у него старая рана. Я хотел, чтобы вы сами это увидели, и вот он здесь. Вы не верили моему предчувствию. А оно говорит про истину» [2, с. 483–484].

Можно спросить: причём здесь образ мыслей? Это скорее этнографические особенности бушменов. Однако европейцу показался бы странным и этот, и следующий эпизод. Жена покинула дом. Ребёнка она несла с собой на ремнях за плечами. Муж, оставшийся дома, знает, что жена ушла по делам, надолго. «Он почувствовал ремни на своём теле». Это выглядело так, будто он сам несёт ребёнка. Ощутив ремни, он понял: жена с ребёнком возвращается.

Э. Каннети отмечает: из высказываний бушменов видно, как важны для них эти предчувствия или предвосхищения. Наступление определённых событий они чувствуют собственным телом. Нечто вроде постукивания в нём оказывается сообщением. Его буквы – в их собственном теле. Эти буквы говорят, движутся и побуждают их самих к движению. Ощутив постукивание в собственном теле, бушмен велит другому молчать и сам затихает. Предчувствие возвещает истину. Тот, кто глуп, не понимает урока и попадает в беду [2, с. 485]. Обратим внимание: глуп не тот, кто не умеет мыслить, а совсем иной... Тот, кто не слышит собственного тела.

Зато понимающему постукивание поведает, какой дорогой нельзя идти, какой стрелой нельзя стрелять. Оно предупредит о повозке с людьми, едущей к дому. Если бушмен кого-то ищет, эти знаки подскажут, куда идти, чтобы найти этого человека. Каннети строит догадки: может быть, бушмены развили и используют в повседневной жизни способности, которых мы лишились? Может быть, у них есть основания верить в предчувствия, даже если они иногда обманывают? Во всяком случае, рассказы о том, как возникают предчувствия, – это бесценные свидетельства о сущности ментальности. Здесь мы узнаём, что чувствует бушмен в своей реальной жизни, когда думает о страусе или антилопе, находящихся вдали, что при этом с ним происходит, что это вообще значит для примитивного человека – думать о существе, которое не есть ты сам.

Поставим вопрос ещё раз: идёт ли речь о культурном укладе или способности мыслить? Судя по всему, мы имеем здесь дело с феноменом, который и называется специфической ментальностью. Э. Каннети воссоздаёт особую ментальность, в которой огромную роль играют подражание и притворство. Он касается также обратных превращений и табу на этот процесс.

Ментальность характеризует специфические уровни индивидуального и коллективного сознания. В этом смысле она представляет собой особый тип мышления. Однако не подлежит сомнению тот факт, что социальное поведение человека вовсе не складывается из непрерывной аналитической деятельности. На оценку конкретным индивидом того или иного явления влияют его прежний социальный опыт, здравый смысл, интересы, эмоциональная впечатлительность. Восприятие мира формируется в глубинах подсознания. Следовательно, ментальность – это общее, что рождается из природных данных и социально обусловленных компонентов и раскрывает представление человека о жизненном мире. Навыки осознания окружающего, мыслительные схемы, образные комплексы находят в ментальности своё культурное обнаружение.

«Какие чувства мы вызываем у чёрного человека?» – спрашивал К.Г. Юнг. У меня есть друг, отмечал он, американский индеец, вождь племени пуэбло. Во время конфиденциального разговора о белом человеке он сказал мне: «Мы не понимаем белых. Они всегда хотят чего-то, всегда беспокоятся. Мы не можем их понять. У них такие острые носы, такие

тонкие, жёсткие губы, такие линии у них на лицах. Мы думаем, что все они сумасшедшие» [8, с. 37].

И опять-таки: про что идёт речь – об образах человека в разных культурах или всё-таки о специфической настроенности ума? Антрополог Франц Боас отрицал, что примитивное мышление качественно отличается от мышления современного человека. Поль Раден подтверждает, что так называемый примитивный человек обладал теми же самыми данными интеллекта, что и современный человек. В группах людей, считающихся «примитивными», были личности, которых с полным правом можно назвать философами, так как у них были высокоразвитые умственные способности. Языки аборигенов доказывают, что они мыслили абстрактно.

Однако само мышление, как показали исследования, может складываться по-разному. Рациональное мышление пришло в наш мир и закрепилось как линейное (располагающее вещи на одной линии) мышление. Весьма знаменательно, отмечал швейцарский философ и историк культуры Г. Буркхардт, что и диалектический метод мышления сформировался также в линейный метод мышления. За тезисом и антитезисом здесь должен следовать такой синтез, к которому «неудержимо» идёт человечество. Этот «оптический» обман можно, пожалуй, сравнить с линией горизонта, на самом деле недостижимой.

Между тем, свидетельствуют специалисты, возможно иное мышление – круговое. Оно коренилось в язычестве. В европейской традиции рождались неоднократные попытки прорвать линейное мышление. К этому стремились, например, философы жизни – представители своеобразного философского направления XIX–XX вв. Г. Буркхардт указывает, что последовательно разработанное и испытанное на практике линейное мышление благодаря своей высокой эффективности обладало в глазах человечества когда-то огромной притягательной, чуть ли не волшебной силой, каковую оно сохраняет и до сих пор по отношению к «слаборазвитым» народам [1, с. 152].

Характерная для линейного мышления широта замысла имеет своим источником религиозную жизнь. Во всемирную историю его ввели иудеи. Мысль о приходе мессии нашла своё логическое продолжение в представлениях о том, что человечество идёт к некой цели. В то же время у языческих народов миф о «золотом веке» относится к неопределённому прошлому, в Ветхом же Завете этот миф был спроецирован в будущее.

Различны типы мышления в европейской и африканской культурах. По мнению отечественного учёного В.А. Бейлиса, одним из главных понятий африканской культуры оказывается понятие гармонии, кооперации. Об этом свидетельствуют символы кооперации, которые существуют в различных африканских языках и этнических группах. В частности, у народа акан символом кооперации является изображение двух крокодилов, у которых головы обращены в разные стороны, но которые имеют общий желудок. Символ народа эве – изображение пяти маленьких разных голов

на каждом из пяти пальцев руки и одной большой головы на ладони. Культурологи-африканисты делают вывод о существовании уникальной социальной философии, которую называют «Мыизм» (от слова «мы»).

Африканский мир управляется «мы-законом» и «мы-логикой». Такой мир можно назвать гомонимным (др.-греч. «мы» и «закон»). Для африканца непонятно картезианское «мыслю – значит существую». Согласно мистической логике, следовало бы сказать: «Я существую, потому что существуем мы, а поскольку мы существуем, существую и я». И это относится не только к узкой общине, но и к более широкой общности, в которой ради обогащения жизни взаимодействуют боги, души, природа, предки, старейшины, молодёжь.

Ментальность как самостоятельный феномен следует отличать от общественных настроений, ценностных ориентаций и идеологии. Она выражает привычки, пристрастия, коллективные эмоциональные шаблоны. Общественные настроения переменчивы, зыбки, ментальность же отличается более устойчивым характером. Она включает в себя ценностные ориентации, но не исчерпывается ими, поскольку характеризует собой глубокий уровень коллективного и индивидуального сознания. Ценности осознаваемы, они выражают жизненные установки, самостоятельный выбор святынь. Ментальность же восходит к бессознательным глубинам психики. В этом смысле она далеко не всегда артикулируется её носителями. Чаще всего ментальность реконструируется исследовательским путём сопоставления с другой ментальностью.

Можно провести также различие между ментальностью и идеологией. Ментальность, как и идеология, мотивирует образ Действий, однако далеко не всегда предлагает отчётливые, отрефлектированные схемы поведения. Идеология как совокупность форм мышления и ценностных представлений более аналитична, нежели ментальность, которая в большей степени опирается на стихийные, полуосознанные схемы поведения. На характер ментальности оказывают воздействие традиция, культура, социальные структуры, бессознательное, вся среда обитания.

Ментальность как понятие позволяет соединить аналитическое мышление, развитые формы сознания с полуосознанными культурными шифрами. В этом смысле внутри ментальности находят себя различные оппозиции – природное и культурное, эмоциональное и рассудочное, иррациональное и рациональное, индивидуальное и общественное. Особенно продуктивно это слово используется для анализа архаических структур, мифологического сознания. Однако понятие приобрело сегодня расширительный смысл.

С его помощью толкуют сегодня не только отдельные культурные трафареты, но и образ мыслей, душевный склад различных типов общностей. В частности, проводится различие между европейской и американской культурами, между западной и африканской. Характеризуются этапы развития собственно европейской культуры (античная, средневековая

ментальность, ментальность Нового времени). Говорят также о тоталитарной и бюрократической ментальности, о национальном и детском ментальном сознании.

Термин «ментальность» можно встретить у американского философа Р. Эмерсона, который вводит его, рассматривая основное метафизическое значение души как первоисточника ценностей и истин. Понятие используется неокантианцами, феноменологами, психоаналитиками. Однако с предельной плодотворностью оно разрабатывается французской гуманитаристикой XX столетия. Марсель Пруст, обнаружив этот неологизм, сознательно вводит его в свой словарь. Французская школа уделила значительное внимание истории ментальностей.

Эволюционизм и анимистическая школа в этнологии, а затем социологический рационализм Дюркгейма выделили элементы примитивной ментальности, которые они отнесли к архаическому типу общества. В контексте этих первых исследований, которым не удалось дать точное определение понятия «примитивная ментальность», вычитывается явное или скрытое противопоставление первобытных народов развитым народам, как и иерархическое распределение форм мысли.

Сразу же после Первой мировой войны французский исследователь Марсель Мосс в очерке об отраслях социологии подчеркнул, что изучение ментальности входит в моду. Решающий вклад в оформление понятия «примитивной ментальности» внёс Люсьен Леви-Брюль. Он сделал поразительное открытие: оказывается, первобытный человек мыслит совсем не так, как современный. Дело вовсе не в том, что мышление было неразвитым. Оно оказалось принципиально другим.

Леви-Брюль написал важные для развития психологии масс работы о мышлении первобытных народов [3; 4], которое он назвал «дологическим» и считал магически связанным с предметами внешнего мира. Леви-Брюль оказал огромное влияние на направленность антропологических и этнологических исследований, подчёркивая трудности, которые возникают при попытке постичь коллективную жизнь бесписьменных народов, исходя из наших современных представлений.

Французский исследователь сопоставил первобытную ментальность и современную и таким образом поставил вопрос о том, существует ли, вообще говоря, универсальная логика. Это навлекло на него многочисленные упреки. В результате произошла определённая корректировка изначальной позиции. Леви-Брюль изучал разнообразные нравы примитивных народов и в итоге засомневался в том, существует ли единство человеческой природы. Он обратил внимание на колоссальное непонимание между умами, которые сформированы разными культурами.

Теоретическая догадка Леви-Брюля состояла в том, что умственные функции зависят от форм общественной жизни. Этот теоретический ход, как нетрудно догадаться, близок к марксистской позиции. В то время исследователь видел, что можно обстоятельно проанализировать психологию

людей, если максимально отдалиться от исследования современных форм мысли. Он стал изучать мышление тех народов, которых тогда называли дикими или примитивными. В первобытной ментальности прежде всего бросалась в глаза огромная роль аффективности, которая затмевала собой рациональный аспект поведения. Так Леви-Брюль описал разницу между примитивной ментальностью и логическим мышлением.

Чтобы отличить первобытную ментальность от нашей, Леви-Брюль характеризует её как мистическую (т.е. основанную на вере в сверхъестественные силы). Другое определение такого навыка мысли – дологическое мышление. Речь у Леви-Брюля шла вовсе не о том, что оно предшествует или противоречит логике. Утверждалось, что оно подчиняется не исключительно законам нашей логики, особенно принципу тождества. Суть дела заключалась в том, что первобытная мысль, сформированная коллективными представлениями, которые не являются чисто интеллектуальными, как бы не замечала противоречий в самом ходе рассуждения.

Иначе говоря, дологическая ментальность подчинялась принципу, который не входит в логику нашей рациональной науки, а именно принципу сопричастности (патриципации). Это означало, что одно и то же существо может быть собою и чем-то иным. Уже цитированный нами Э. Канетти утверждал, что знаки, по которым бушмен узнаёт приближение животного или человека, – это знаки на его собственном теле. Такие предчувствия представляют собой зачатки превращений. Канетти предупреждал: чтобы знаки сохранили свою ценность для исследования превращений, не нужно вносить ничего постороннего в мир бушменов.

Получается, будто тело одного и того же бушмена становится телом его отца, его жены, страуса и антилопы. Способность его быть в разное время то одним, то другим и потом снова самим собой – факт огромного значения. Последовательность превращений определяется внешними поводами. Это чистые превращения: каждое существо, ощущаемое бушменом, остаётся тем, что оно есть. Превращения отделены друг от друга, иначе они не имели бы смысла. Отец с его раной – не жена с её ремнями. Страус – не антилопа. Собственная самотождественность, от которой бушмен может отказаться, сохраняется в превращениях. Он может быть тем или другим, но то и другое отделено друг от друга, поэтому между ними он всегда остаётся самим собой.

Леви-Брюль разъясняет, что первобытный человек чувствует себя не только человеком, но и животным, поскольку он причастен к роду своего тотема. Он может одновременно находиться там, где он спит, и там, где разворачивается действие его сновидения. Из этих характеристик ментальности первобытного человека вытекает, что он мало способен к абстракции и обобщению. Он более восприимчив к качественным, чем к количественным отношениям. Его восприятие природы и всех существ сглаживает различия между натурой и её созданиями.

Первобытный человек верит в действенность тайных сил, что приводит его к мистическому мировосприятию. Такой человек способен к техни-

ческой деятельности лишь постольку, поскольку этот вид активности основывается на законах физики, но не требует их ясного осознания. В известной мере человек, говоря метафорически, может вести паровоз, не зная его устройства. Он не воспринимает себя в качестве отдельного субъекта, скорее, склонен рассматривать все существа как носителей смутных безличных сил. Точно так же индивид не мыслит себя вне своей группы. Он причастен к тому, что его окружает, и не выделяет себя из своей среды.

Указав на существенные демаркации между первобытной и цивилизованной ментальностью, Леви-Брюль отметил, что между ними возможны оттенки и переходы. Например, у австралийцев сопричастность (патриципация) переживается непосредственно во всеобщей однородности, в то время как у американских индейцев, менее примитивных, священное отделено от профанного, и сопричастность только представляется, изображается. Если излагать теорию таким образом, то в ней есть эволюционный аспект. Впрочем, Леви-Брюль уточнил, что человеческий дух не может полностью обойтись ни без логики, ни без сопричастности. В такой трактовке получается, что первобытная ментальность является одной из постоянных структур человеческой природы.

Три последние книги Леви-Брюля ещё более смягчают противопоставления и не оставляют места для чисто исторического подхода, т.е. для возможности перехода интеллекта из дологического состояния в состояние исключительно рационалистическое и позитивистское. Действительно, для объяснения мышления посредством сопричастности привлекается аффективность. Наиболее важным в первобытной ментальности оказывается не столько принцип мыслительных связей, сколько особый характер её контакта с реальностью, а именно мистический опыт, в котором господствует «аффективная категория сверхъестественного».

Этим выражением, созданным, чтобы показать, что речь идёт об элементе, столь же важном для мысли, как интеллектуальные категории Аристотеля, Леви-Брюль обозначает особый тип опыта, в котором примитивный человек ощущает контакт со сверхъестественным. Вмешательство сверхъестественных сил открывается посредством неожиданного. Эти силы могут быть благими или злыми, приносить удачу или неудачу. Но это не означает, что первобытный человек озабочен исключительно такого рода феноменами. Магия, сны, видения, игра, присутствие мёртвых дают первобытному человеку мистический опыт, в котором он черпает сведения об этом мире.

Изучая более детально верования австралийцев и папуасов, Леви-Брюль показывает, что мифология примитивных народов не организована, но исходит из типа довольно однородного опыта, который объясняется аффективной категорией сверхъестественного. Мифический мир текуч. Категории в нём не выделены, мифы имеют трансцендентную и животворящую силу. Они укрепляют чувство сопричастности. Что касается символов, то они преображают откровение в конкретный опыт, позволяя охватить

невидимое. Символизм, впрочем, располагается на этапе менее примитивном, нежели прямое ощущение единства реального и сверхъестественного.

В результате этого анализа характеристиками примитивной реальности становятся уже не её безразличие к логике и отсутствие абстрагирования, а, скорее, тип опыта, который разрабатывается затем в мифах и символах, чтобы сформировать ту пережитую целостность, которая остаётся беспорядочным мышлением, невзирая на единство тональности. В «Записных книжках» (1949), опубликованных через десять лет после его смерти, Леви-Брюль вновь противопоставил два вида ментальности.

Теперь это противопоставление смягчается ещё более. Изучение архаических народов лишь позволяет нам осознать важность определённого аспекта человеческого мышления. Этот аспект в скрытом виде присутствует и при интеллектуальных операциях. «Логическая структура человеческого духа, – пишет автор в одной из своих последних заметок, – повсюду одинакова», – утверждение, которое разрушило бы гипотезы его первых книг, если бы в его творчестве не сохранилось бы, по крайней мере, новое освещение роли сопричастности и аффективности в нашем постижении мира. Всё же современную ментальность Леви-Брюль характеризует как логическую, организованную и рациональную.

К изучению первобытной ментальности обращался не только Леви-Брюль, но и видный неокантианец Эрнст Кассирер. По его мнению, примитивная ментальность отличается от нашей не какой-то особой логикой, а прежде всего своим восприятием природы, которое не является ни теоретическим, ни прагматическим, но симпатическим, т.е. позволяющим слиться с натурой. Примитивный человек способен делать эмпирические различия между вещами, но гораздо сильнее у него чувство единства с природой, от которой он себя не отделяет.

Человек первобытного общества ещё не приписывает себе особого, уникального положения в природе. В тотемизме он не просто рассматривает себя потомком какого-либо вида животного. Эта связь проходит через всё его физическое и социальное существование. Во многих случаях это отождествление: члены некоторых тотемических кланов в прямом смысле слова объявляют себя птицами или какими-либо другими животными. Следовательно, мы видим, что глубокое чувство единства живого сильнее эмпирических различий, которых первобытные люди не могут не замечать, но с религиозной точки зрения эти различия оказываются для них второстепенными.

Поколения людей также образуют единую непрерывную цепь, которая поддерживается через перевоплощение предков. И это чувство непоколебимого единства жизни настолько сильно, что оно приводит даже к отрицанию смерти. В примитивных обществах она никогда не рассматривается как естественное явление. Мысль о том, что человек смертен, по своей природе глубоко чужда первобытной религиозной жизни. Здесь можно отметить резкое различие между мифологической верой в бессмертие

и позднейшими философскими попытками доказать это бессмертие, например в «Федоне» Платона.

Если что и нуждается в объяснении для первобытного человека, подчёркивает Э. Кассирер, то это не факт бессмертия, а факт смерти. По его словам, «первобытная религия есть, быть может, самое сильное и энергичное утверждение жизни, какое мы находим в человеческой культуре» [9, р. 89].

Историческая психология получила развитие во Франции, где классические установки социальной, культурной и экономической истории полностью завладели инициативой учёных. Предмет истории ментальностей – реконструкция способов поведения, выражения и умолчания, которые передают общественное миропонимание и мирочувствование, представления и образы, мифы и ценности, признаваемые отдельными группами или обществом в целом. Они поставляют материал коллективной психологии и образуют основные элементы этого исследования.

Проблемы коллективной ментальности ставились в работах Ж. Лефевра. Другой историк, основатель школы «Анналов» (наряду с М. Блоком), Люсьен Февр усматривал в коллективной ментальности не только биологическое, но и социальное основание. М. Блок посвятил одну из своих работ истолкованию сверхъестественного характера, который обретает королевская власть во Франции и в Англии с позднего средневековья до нашего времени.

А. Дюпрон изучал неустойчивость священных образов крестовых походов и тропизмов странствия со времён прекращения походов в Святую Землю с XIII в. до XIX в.

Историческая психология до сих пор развивалась медленно. Первые шедевры, открывшие дорогу в этой области, были опубликованы несколько десятилетий назад: «Короли-чудотворцы» Марка Блока, «Проблема неверия» Люсьена Февра, программные статьи Февра 1938–1941 гг. Представители нового поколения школы «Анналов» (Ж. ле Гофф, Р. Мандру, Ж. Дюби и другие историки, а также культурологи – Й. Хёйзинга, Ж.-П. Вернан, П. Франкастель, Э. Панофски) пытались воссоздать ментальность разных культурных эпох.

Структуралисты критически оценили концепцию примитивной ментальности, которую разрабатывал Леви-Брюль. Они дали собственное истолкование примитивного мышления (см.: [5]). Вместе с тем они обогатили арсенал исследований новыми методами. В постструктуралистском варианте выдвинуто понятие «эпистема», которое сближено с идеей ментальности.

Проблема ментальности разрабатывается также в психоанализе. З. Фрейд в работах «Человек по имени Моисей и монотеистическая религия» [7] и «Психология масс и анализ человеческого “Я”» [6] разрабатывал методы, которые позволили бы перекинуть мост через «бездну», разделяющую индивидуальную и коллективную психологию. Отыскивая пути перехода к изучению коллективной психологии, Фрейд сначала обращался

к «архаическому» наследию, влияющему на формирование личности, в том числе к совокупности проблем, которые ставит перед индивидом социологическое, интеллектуальное или духовное образование в самом широком смысле слова.

Историю ментальностей следует поместить в более обширный план всеобщей истории, в которой разработка понятий, формирующих жизнь людей в обществе, составляет культурный аспект, столь же важный, как и экономический. Это означает, с одной стороны, что нет и речи о том, чтобы признавать за социальной историей коллективной ментальности привилегированное место или что-то вроде превосходства, исходя из её более или менее духовного происхождения и ориентации. С другой стороны, это законно признаваемое за ней место влечёт отказ от упрощений, от упущения из виду явлений исторической психологии, слишком часто получающих статус «идеологий» без исторического значения.

Список литературы

1. Буркхардт Г. Непонятная чувственность // Это человек. Антология / Сост., вступ. ст. П.С. Гуревича. М.: Высшая школа, 1995. С. 124–155.
2. Канетти Э. Превращение // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 483–503.
3. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление / Пер. с фр. Б.И. Шаревской. М.: Академический проект, 2015. 429 с.
4. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Пер. с фр. Б.И. Шаревской. М.: Академический проект, 2022. 428 с.
5. Леви-Стросс К. Первобытное мышление / Пер., вступ. ст., примеч. А. Островского. М.: Терра – Кн. клуб: Республика, 1999. 382 с.
6. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я» / Пер. с нем. Я.М. Когана. СПб.: Азбука, 2014. 190 с.
7. Фрейд З. Человек по имени Моисей и монотеистическая религия / Пер. с нем. Р. Додельцева. СПб.: Азбука, 2012. 188 с.
8. Юнг К.Г. Проблема души современного человека // Это человек. Антология / Сост., вступ. ст. П.С. Гуревича. М.: Высшая школа, 1995. С. 24–41.
9. Cassirer E. An Essay on Man: An Introduction to a Philosophy of Human Culture. New Haven: Yale University Press; London: Milford, 1944. 237 p.

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Pavel GUREVICH

DSc in Philosophy, DSc in Philology, Professor.

MENTALITY AS A CHARACTERISTIC OF CULTURE

Reflecting on modern ideas about the diversity of intelligence, the author of the article refers to the phenomenon of mentality as a relatively holistic set of thoughts, beliefs, and spiritual skills that creates a picture of the world and holds together the unity of a cultural tradition or some community. Mentality is considered as a stable attitude of the inner world of people, which unites them into social and historical communities, and in the socio-psychological and epistemological sense is a set of attitudes and predispositions of an individual to a certain type of thinking and action. The article distinguishes between mentality and public attitudes, mentality and value orientations, mentality and ideology. It is shown that mentality goes back to the unconscious depths of the psyche, and in this sense it is not always articulated by its bearers. Mentality is reconstructed by the author of the article in a research way through comparison with another mentality.

Keywords: culture, reason, mentality, types of thinking, value orientations, ideology, cultural cipher, mythological consciousness, primitive mentality, history of mentalities

References

1. Burckhardt, H. "Neponyatnaya chuvstvennost'" [An Incomprehensible Sensuality], *Ehto chelovek. Antologiya* [It's a Man. The Anthology], compl. P.S. Gurevich. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1995, pp. 124–155. (In Russian)
2. Canetti, E. "Prevrashchenie" [Transformation], *Problema cheloveka v zapadnoi filosofii: Perevody* [The Human Problem in Western Philosophy: Translations], compl. P.S. Gurevich, ed. Yu.N. Popov. Moscow: Progress Publ., 1988, pp. 483–503. (In Russian)
3. Cassirer, E. *An Essay on Man: An Introduction to a Philosophy of Human Culture*. New Haven: Yale University Press, London: Milford, 1944. 237 pp.
4. Freud, S. *Chelovek po imeni Moisei i monoteisticheskaya religiya* [A Man Named Moses and the Monotheistic Religion], transl. R. Dodeltsev. St. Petersburg: Azbuka Publ., 2012. 188 pp. (In Russian)
5. Freud, S. *Psikhologiya mass i analiz chelovecheskogo "Ya"* [The Psychology of the Masses and the Analysis of the Human Self], transl. Ya.M. Kogan. St. Petersburg: Azbuka Publ., 2014. 190 pp. (In Russian)

6. Jung, C.G. “Problema dushi sovremennogo cheloveka” [The Problem of the Soul of Modern Man], *Ehto chelovek. Antologiya* [It’s a Man. The Anthology], compl. P.S. Gurevich. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1995, pp. 24–41. (In Russian)

7. Levi-Strauss, C. *Pervobytnoe myshlenie* [The Savage Mind], transl. A. Ostrovsky. Moscow: Respublika Publ., 1999. 382 pp. (In Russian)

8. Levy-Bruhl, L. *Pervobytnoe myshlenie* [The Savage Mind], transl. B.I. Sharevskaya. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2015. 429 pp. (In Russian)

9. Levy-Bruhl, L. *Sverkh”estestvennoe v pervobytnom myshlenii* [The Supernatural in Savage Mind], transl. B.I. Sharevskaya. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2022. 428 pp. (In Russian)